

МАРГАРИТА ЛОГВИНОВА

Девушка
на фотографии
футболиста Березинна

ЧАСТЬ 1

12+

Маргарита Логвинова

**Девушка на фотографии
футболиста Березина. Часть 1**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Логвинова М. И.

Девушка на фотографии футболиста Березина. Часть 1 /
М. И. Логвинова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Как вы думаете, легко ли быть ассистенткой психолога в футбольном клубе, когда твой начальник – довольно странный, помешанный на экспериментах человек, а каждый из подопечных настолько самобытен, что только успевай разбираться в хитросплетениях его внутреннего мира? Во всяком случае, это интересно. Особенно если учесть, что для других быть психологом значительно проще, чем для самой себя...

Содержание

Пролог	5
Красная карточка	6
Родные и нелюбимые	13
Когда уходят девушки	25
Восемь дней назад	26
Семь дней назад	28
Шесть дней назад	31
Сегодня	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Не знаю, как так получилось, как вышло, что настолько далекий от футбола человек, как я, пришел в клуб, чтобы в конечном итоге обеспечить его высокие спортивные результаты. Мой путь должен был идти от школьного психолога до семейного консультанта или психотерапевта, идти последовательно и неспешно. Но даже не это самое удивительное. Намного удивительнее то, что происходило после...

А теперь передо мной сложенный вдвое листок, призванный определить мою судьбу. Хочется порвать его и выбросить в урну, не глядя. Так будет лучше. Но...

Но передо мной эта злосчастная фотография. До сих пор не знаю, зачем он ее сделал, и это не дает покоя. Надо подумать и разобраться. Надо обернуться назад, вспомнить все и принять решение.

Красная карточка

— Вы это видели? — спрашивал Николай Степанович и, не ожидая ответа, добавлял. — Опять красная! Умудрился сбить соперника, не владеющего мячом! И это — в центре поля!

— Вы же сами говорили, что у Наварова повышенная эмоциональность, склонность к вспышкам агрессии и прочее. Чего еще можно было ожидать? — Маша говорила, не переставая перекладывать бумаги со стола и из его ящиков в папки, подписывая их и расставляя на полки.

— Думаю, мне пора с ним побеседовать: еще одна такая выходка — его посадят в запас, а жалко — парень ведь талантливый!

— Хорошо, я позову его, когда скажете, — Маша работала ассистенткой психолога вот уже пару месяцев, но в основном занималась несложной работой: подай, принеси. Она привыкла к таким заданиям.

— А вы молодец — такой порядок у меня навели! — как бы невзначай бросил психолог. Маша улыбнулась и минут через десять пошла выполнять поручение начальника.

Когда Николай Степанович остался один, он начал медленно расхаживать по кабинету, заложив руки за спину, потом подошел к окну и увидел, как Маша подозвала Наварова. Кирилл шел за девушкой как будто обреченный: ссутулившись и потупив глаза. Наконец дверь кабинета открылась.

— Проходите, присаживайтесь, — любезно сказал психолог. Кирилл занял указанное место у стола. Николай Степанович посмотрел на его перекрещенные на груди руки, сдвинутые брови и отсутствующий взгляд, подумав: «От нашего разговора будет мало прока». Тогда психолог подмигнул Маше и что-то шепнул ей. Девушка вышла.

— Рад вас видеть, — произнес он, усаживаясь в кресло. — Вы, верно, догадываетесь, зачем я вас пригласил.

— Да.

— И что вы мне можете сказать?

— Ничего.

— Если вы не захотите мне помочь, то я не смогу ничего сделать для вас, — психолог круглым жестом развел руки и свободно положил их на стол. — Мы же с вами не первый день знакомы. В прошлый раз вы смогли справиться, получится и в этот. Вы продолжаете выполнять упражнения?

— Иногда.

— А как поживает Наташа? — поинтересовался психолог

— Нормально.

— А Миша? — Николай Степанович всеми силами пытался «открыть» собеседника, но Кирилл почти не реагировал.

В это время Маша находилась у кромки тренировочного поля. Увидев Диму Березина, она направилась к нему. Молодой человек держал в одной руке бутылку с водой, а в другой — телефон.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Да, конечно, — отозвался Дима.

— Речь пойдет о Кирилле. Он же ваш друг?

— Ну да. Когда-то мы были вообще не разлей вода, но и сейчас, конечно, нормально общаемся.

Не успела Маша задать следующий вопрос, как ее на полуслове прервал телефонный звонок.

– Извините, мне нужно ответить, — сказал Дима. — А, это ты! Привет, зайчик! Ну как дела? Когда встретимся? Давай завтра, я за тобой заеду. Конечно! Целую, не могу разговаривать, перезвоню.

– Про что мы говорили? — обратился он, как ни в чем не бывало, к Маше. Во время разговора они медленно брели по беговой дорожке вокруг поля. — Ах, да, Кирилл. А что конкретно я должен рассказать?

– Как вы думаете, эти две красные карточки — случайность?

– Трудно сказать, такое с ним и прежде случалось — иногда и самому хочется кому-нибудь по ногам заехать, ну, вы понимаете, — Маша не очень понимала, но все равно кивнула. — Потом перерыв был, и вот опять... — снова раздался телефонный звонок. — Простите еще раз. Да, привет, киска! Катенька, спрашиваешь, когда встретимся? Ох, извини! Конечно, Кристина! Я так и сказал, — Дима посмотрел на экран. — Точно, Кристина, — прошептал он с досадой.

Пока шел разговор, Маша огляделась. Это было ее первое непосредственное общение с клиентами: до сегодняшнего дня Николай Степанович доверял ей только работу с бумагами да еще некоторые мелочи. А тут настоящее поручение. Взгляд девушки упал на тренировочное поле. Там, у ворот слева был Цыпа (так прозвали нигерийского футболиста за его рыжие косицы), Беговой, Опалов и Чиж над чем-то усиленно смеялись, правее разминался Тони, дальше...

– Еще будут вопросы? — вывел девушку из раздумий Дима.

– Как вы полагаете, с чем это связано?

– Что «это»? Вы про Кирилла? Да я как-то не размышлял над этим,

– небрежно покачал головой Дмитрий. «Если ты вообще умеешь „размышлять“, в чем я сильно сомневаюсь», — добавила девушка про себя.

– Здравствуй! — голос раздался сзади и так неожиданно, что Маша вздрогнула. — Так ты и есть Маша? Я, было, решил, что тебя выдумали и ты на самом деле не существуешь, — пока Егор говорил, девушка проводила глазами экстравагантный белый ирокез Димы, которому снова позвонили. «Чтобы его сделать, нужно хорошенько постараться и это — на тренировку, перед матчем, наверно, он вообще из салона не вылезает».

– Ты меня слушаешь? Вот тебе мой совет: держись от него подальше. Он, конечно, классный парень, но сколько душ позагубил — просто ужас!

– Егор лукаво усмехнулся, смотря на девушку. Внезапно Маша повернулась.

– Вы.

– Что?

– Называйте меня на «Вы», так будет лучше. Спасибо за участие, но в советах не нуждаюсь, — девушка ответила улыбкой, смысл которой был весьма прозрачен. — Я, пожалуй, пойду.

Егор смотрел вслед девушке. Машу нельзя было назвать красивой: ее внешность считалась далеко не модельной — средний рост, русые довольно длинные волосы. Девушка одевалась просто, не очень жаловала джинсы, предпочитая юбки и брюки. Сначала Егор решил сделать ее героиней своих насмешек, но потом передумал. Пока.

Когда Маша поднималась вверх по лестнице, мимо нее прошел Кирилл. Девушка обратила внимание на его руки: они постоянно находились в движении, пальцы совершали быстрые перемещения, во всем сквозила какая-то резкость и торопливость. То же самое она отметила, когда провожала Кирилла полчаса назад. Возможно, это только темперамент. Темперамент — это такая татуировка судьбы, которую, правда, нельзя свести, можно только прикрыть длинным рукавом или любой другой частью одежды. Но нельзя же вечно ходить застегнутым на все пуговицы...

Когда они поравнялись, девушка слегка приподняла уголки губ, чтобы подбодрить парня. Кирилл отметил, что улыбка удивительным образом украшает лицо ассистентки. Улыбка, увиденная Егором, выглядела совершенно иначе.

– Ну что я могу тебе сказать: стена! Глухая и непробиваемая. Трудно помочь человеку, когда он в этом совсем не заинтересован, — рассуждал психолог, сидя в своем фирменном кресле и отрываясь от папки, которую

листал. — Мы можем рассчитывать на Дмитрия?

– Думаю, что нет. По-моему, он сейчас занят только собой, и проблемы друга его мало волнуют, — Маша пошире открыла окно.

– Жаль. В таких делах хороший друг — лучший помощник психолога. Что ж, придется обойтись своими силами. Предполагаю, в этом деле ведущая роль будет принадлежать вам, — Николай Степанович еще перед началом работы предупредил, что не потерпит фамильярного обращения на «ты» на работе, ведь «нужно соблюдать дистанцию».

– Почему вы так решили?

– Передо мной у него внутренний барьер, и пока я буду его снимать, Кирилла выгонят из клуба.

– Он сам не справится?

– Вряд ли. Я перелистал его досье, посмотрите и вы, — он передал папку девушке. — Кое-что добавлю: когда он перешел к нам, то тренера устраивало в нем почти все. Некоторая резкость и даже грубость на его позиции в основном обоснованы: Кирилл — опорник, если это для вас что-то значит. Он был слишком молод и несдержан, поэтому я разработал для него специальный курс для развития внимания, терпения, собранности. Со временем он стал лучше владеть собой, потом женился — свадьба пошла ему на пользу — и вот опять.

– Он совсем не контролирует себя?

– Я бы не говорил так категорично.

– Наверно, вспыльчив?

– Бывает и такое — разве вы не видели, как он в последнем матче чуть не подрался с соперником?!

– Может, у него в семье начались проблемы: неуживчивый характер, вспыльчивость — все это трудно принять, — предположила Маша.

– Вот это вы и проверите, когда отправитесь навестить его жену, адрес перепишите из папки. Что-то не дает мне покоя. Все это длится чуть более полугода... Мария, выясните, что произошло в этот период времени: может быть, какая-то стрессовая ситуация, болезнь родных и так далее. А я еще подумаю. Наверно, мне не надо вам объяснять, насколько важно расположить к себе его жену Наташу.

– Я поняла, — Маша взяла сумочку и направилась к двери. Уже в дверях ее остановил голос начальника:

– У вас все получится.

Девушка не ответила. На выходе из здания мимо нее прошли футболисты на тактические занятия. Многие из них удивленными глазами провожали ее счастливое лицо.

Маша действительно чувствовала себя по-настоящему счастливой: только сейчас она поняла, что профессор на нее действительно рассчитывает. Это не могло не радовать.

– Проходите, — сказала ей час спустя молодая женщина. — Вы Мария? Мне позвонил Николай Степанович и рассказал про вас, — Наташа оказалась симпатичной светловолосой голубоглазой девушкой, милой и общительной. Что у нее могло быть общего с замкнутым и конфликтным Кириллом?

Ответ спал в комнате.

– Знакомьтесь, это наш сын Миша, — представила Наташа. Мальчика, как и многих детей его возраста, отличали светлые волосы и голубые глаза.

– Сын на вас похож, — отметила Маша.

– Это внешне, а характер отцовский — сильный, — улыбнулась молодая мама. — Я знаю, зачем вы здесь и постараюсь вам помочь, мне известно, что сделал для Кирилла и меня профессор. Может, чаю?

– Не откажусь.

Дальнейший разговор протекал на кухне. Квартиру Наваровых можно было спокойно назвать просторной, очень уютной, наполненной чудесной, теплой атмосферой, поэтому прежнее предположение показалось Маше неправдоподобным. «Нужно проверить».

– А каков Кирилл в семье? — отхлебнув чаю, спросила она.

– Добрый, чуткий, заботливый отец — мне с ним очень повезло! — блондинка, без сомнения, говорила искренне.

– Очень сына любит. Впрочем, если он кого-то любит, то это многое меняет. Вам, наверняка, говорили, что у него трудный характер, но он любит свой клуб и свою работу, поэтому и конфликтов с одноклубниками у него практически нет. Не могу объяснить эти красные картофочки.

– Наташа, а что у вас произошло полгода назад? — поинтересовалась Маша.

– Да вроде ничего... Семь с половиной месяцев назад у нас родился сын, больше ничего.

– Еще раз поздравляю! Вам, наверно, трудно?

– Да нет, я справляюсь, да и Кирилл все свободное время с нами проводит. Раньше мы редко засиживались в квартире, ходили в клубы — Кирилл замечательно танцует, а теперь все больше дома или гуляем.

Разговор прервал шорох в коридоре — пришел Кирилл. Наташа вышла его встречать. Супруги нежно обнялись, потом Кирилл направился к коляске, чтобы поцеловать сына. Последние сомнения рассеялись. В этот момент Кирилл увидел девушку и сильно удивился.

– Я, пожалуй, пойду, очень приятно было познакомиться! — Маша улыбнулась той самой обезоруживающе открытой улыбкой. — Мне пора.

Наташа проводила ее до двери, просила задержаться, и ассистентка психолога, сдавшись, взяла на себя обещание чаще посещать молодую маму. На лестничной площадке Маша услышала: «Почему ты от меня раньше прятал эту чудесную девушку?»

* * *

...— Значит, у них все в порядке? — уточнял профессор.

– Да, точно.

– И в нужное нам время произошло только одно крупное событие — рождение сына?

– Да.

– И Кирилл стал все свободное время проводить дома?

– Да.

– И у него актуализирована потребность в активности?

– Да.

– Что нужно предусмотреть строителям, чтобы пруд не затопил близлежащие поселения?

– Я в этом слабо разбираюсь. Наверно, слив или сток.

– А это мы должны будем изобрести как можно быстрее. Полагаю, вам следует поговорить завтра по душам с Кириллом, — психолог выжидающе посмотрел на Машу: девушка не спорила. Она задержала на пару секунд взгляд на портрете Эйнштейна, висящем над диваном, чтобы набраться храбрости, а потом покинула кабинет вслед за своим начальником.

На следующее утро Маша приехала на работу раньше обычного: по совету профессора она должна была оценить ситуацию, пригласить на сеанс Кирилла и заодно понаблюдать за ним. Погода стояла очень хорошая для начала мая — теплая, солнечная. Девушка расположилась за

рекламным щитом так, чтобы следить за полем. «Я сейчас, наверно, со стороны выгляжу как ярая болельщица! Тоже мне, миссис Марпл в глубокой юности!» — смеялась над собой Маша. Некоторые из футболистов уже маячили на поле, хотя тренировка еще не началась.

Мимо уверенной, легкой походкой прошел Дима; несмотря на весну, у него на глазах сияли, отражая свет, солнцезащитные очки, и их отблеск гармонично отдавался бликами на золотых часах. Увидев девушку, нападающий изумился до такой степени, что решился для большей достоверности приподнять очки и подойти поздороваться.

– Привет! Что вы здесь делаете? — поинтересовался он.

– Вышла на солнце погреться, — придумала на ходу Маша.

– Похоже, здесь, и правда, солнце лучше, чем везде, — заключил, оглядевшись, Дима.

— Можно я присяду?

– Да, пожалуйста... — слова девушки прервал какой-то шум. Как будто ожидая недоброе, Маша поднялась с сидения и бросилась на поле. Дима озадаченно последовал за ней.

На поле девушка увидела сцепившихся парней, как она потом поняла

– Кирилл и Егор.

– Что вы стоите? Разнимите их! — Чижик, Брошкин и подоспевший Дима выполнили указание девушки.

– Не ожидал я от тебя такого! Ну, ты даешь, еще друг называется! — удивлялся Егор.

— Да отпустите же меня, не собираюсь я его калечить! — Чижик и Брошкин увели Кирилла.

– Надеюсь, вы ничего не скажете тренерам? — серьезно спросила Мария.

– Я еще подумаю: может, меня в больничку отправят или отступные заплатят?! — бросил Егор, поправляя волосы и футболку.

– От вас я жду того же, — обратилась она к Диме.

– Думаете, мне тоже заплатят? Шутка! Если честно, это их дело, а не мое, — пожал плечами форвард и отошел.

– Что вы ему сказали? — обратилась Маша к Егору.

– Да ничего особенного, уже и сам забыл, глупость какую-то про коллекционирование красных карточек, — «Снова она тут как тут! Что-то в ней есть...»

– Ясно. Хорошего дня, и побольше словесной изобретательности — тогда ваша мечта о больничном воплотится в жизнь намного скорее! — пожелала Мария.

Девушка подошла к сидящему на газоне Кириллу и сказала:

– Зайдите после тренировки к Николаю Степановичу.

С этого момента в кабинете психолога начались приготовления.

– Вы уверены, что это сработает? — волновалась девушка.

– Помните второе правило: «Говори уверенно и люди тебе поверят!» Конечно, полной уверенности у меня нет, скажу по секрету, но, думаю, это должно помочь. Я уже говорил, что с ним надо помягче. Так уж получается, что для раненой мужской души нет ничего целительней, чем откровенный разговор с молодой хорошенькой девушкой. Я буду здесь, на балконе, — он отодвинул занавеску и указал на место, где был намерен прятаться.

– Поверьте мне, это только в первый раз сложно, потом будет проще,

– успокаивал девушку психолог. — Ну что ж, пора. Принесите воды на всякий случай и если что — кричите.

Когда девушка вернулась с графином, комната была пуста. Мария не имела возможности сказать что-то еще профессору, так как в дверь постучали.

– Войдите, — как можно уверенней произнесла девушка.

Переступив порог, Кирилл отметил, что в комнате полумрак из-за задвинутых плотных штор, а также — что в комнате нет профессора.

– Присаживайтесь, — Мария указала на диван и сама села туда же. Кирилл скрестил руки на груди и положил ногу на ногу, стараясь не смотреть на девушку.

— У вас прекрасная жена, — не дав ему опомниться, начала Маша, — она мне очень понравилась! — за этой фразой последовала такая открытая улыбка, что смолчать было невозможно.

— Вы ей тоже понравились, — осторожно выдавил Кирилл.

— Может быть, мне когда-нибудь тоже повезет, как вам. Ну, вы поняли, про что я.

— Надеюсь, — Кирилл ждал, когда же закончатся любезности (хотя их было приятно слышать, как он ни пытался себя убедить в обратном), и она перейдет к делу. И еще: где же был профессор?

— У Николая Степановича конференция, его не будет, — ответила на незаданный вопрос девушка, футболист почувствовал облегчение.

— Как вы познакомились? — с интересом спросила Мария, облокотившись на спинку дивана. Кириллу пришлось поднять на нее свои карие глаза. Футболист тут же стал корить себя за этот шаг, понимая, что воздвигнутая им ледяная стена начинает подтаивать в теплых внимательных глазах собеседницы.

— Мы встретились в клубе, потом долго танцевали...

— Так вы не только классный футболист, но и замечательный танцор, раз смогли покорить такую девушку! — заметила Маша и немного придвинулась к Кириллу. Молодой человек, как ни старался, не смог подавить произвольную улыбку, но, как бы устраиваясь удобнее, отодвинулся назад.

— А как вы пришли в футбол?

— Детская мечта.

— Хорошо, когда детские мечты исполняются! — заключила девушка.

— Вам хорошо, а я вот порой даже и не знаю, об этом ли мечтала, — она задумчивым взглядом обвела комнату. Маша потихоньку придвигалась, и вскоре у Кирилла не осталось места для отступления. Наконец, она решила, что дистанция подходящая. Опорник мог уйти, но ему было так комфортно, что он не мог заставить себя встать.

— Хотите конфет? — внезапно осведомилась девушка и, не дождавшись ответа, достала из сумки пакет со сладостями и распахнула его. — Угощайтесь! — Маша оставила пакет на журнальном столике. — Берите же! Они очень вкусные! — и сама протянула руку.

Кирилл нехотя последовал ее примеру. При этом ему пришлось разомкнуть руки и принять более свободную позу.

— Спасибо.

— Знаете, а вы хороший собеседник! Нет, не смейтесь, — редкий человек бы счел эту скупую ужимку за смех, — приятно говорить с человеком, который больше слушает и не тратит слов зря. А еще... вам ужасно идет улыбаться! — совершенно искренне призналась девушка. — Я знаю, вы думаете, что ваш характер, мягко говоря, сложен. Но и мой, как и любой другой, не сахар. Вы сами осознаете, что с вами что-то не так. Я хочу вам помочь. Расскажите, что происходит. Или вы хотите, чтобы сначала я перечислила все свои недостатки? Их слишком много, — чуть лукаво улыбнулась девушка. — Но, если не хотите, можете не говорить...

Кирилл молчал. Минута. Вторая. Третья. «Это конец!» — пронеслось в голове девушки, но она все еще сидела, не шевелясь и глядя в сторону.

— Я не знаю, как это описать... — приступил он, внезапно очутившись на корточках прямо перед девушкой. — В последнее время на меня все чаще находит что-то, какой-то избыток сил, порой — злости. Я начинаю срывать. Но до этого коплю все в себе. Дома я ничего сделать не могу — там мои жена и ребенок, на тренировках тоже — люблю своих одноклубников и тренеров, занимаюсь больше всех, остаюсь дополнительно — но это не помогает. А на поле... Вокруг меня соперники, и я не могу сдержаться. Вы понимаете? — Кирилл испытующе посмотрел на Машу. В этот момент его глаза горели, щеки пылали, и девушка с трудом удержалась, чтобы не бросить умоляющий взгляд на занавеску.

– Мне кажется, да.

Подкрепившись уверенностью в ее участливых глазах, Кирилл продолжал:

– А когда я в последний раз подкат в ноги сзади сделал, мне стало легче. Но ненадолго. Совестно стало, что подвел парней, что не сдержался... Что вы теперь скажите: можно мне помочь? — футболист опустил на колени и заглянул в глаза Маше.

Маша молчала. Кириллу нужно мгновенное решение проблемы, а она не могла заставить себя сказать хоть что-нибудь: полумрак комнаты, беспросветная тишина и безумный блеск глаз напротив. Она испытывала такой страх, что попятилась назад. Так проходили мучительные секунды. Вдруг девушка почувствовала хруст нарастающей ледяной корки...

– И это все? Но с этим мы сможем справиться! — уверенно заявила девушка, вспомнив второе правило и снова приблизившись к собеседнику.

– Я постараюсь объяснить ваше состояние, как понимаю его сама. Берите еще конфетку.

– Все люди в большей или меньшей степени способны накапливать энергию, в том числе — негативную. И если от нее не избавиться вовремя, то она будет стараться вырваться наружу. Встаньте с колен. Поверьте мне: через несколько дней вы будете с улыбкой вспоминать о нашей беседе, — по реакции Кирилла Маша не могла понять, достигли ли ее слова цели.

– Что вы предлагаете? — с недоверием произнес он.

– Избавиться от того, что вас разъедает. Ведь это тяжело? — в ответ последовал кивок. — Для этого может быть полезно занятие, например, боксом, или стрельба в тире — что вам больше нравится. Или еще что-то... Подождите минутку.

Девушка буквально подлетела к стеллажу, открыла шкафчик, затем послышался щелчок. К своему удивлению, Кирилл услышал звуки музыки

– современной, зажигательной. Но самое удивительное — Маша распустила волосы, собранные в пучок, и начала танцевать, причем так задорно и внезапно — будто совсем забыла, где она и что делает. Потом девушка схватила за руку Кирилла, и они продолжили танцевать вместе. Первое время футболист будто сдерживал себя, но потом в нем что-то рухнуло. Со стороны это было просто уморительным зрелищем: они смеялись, словно дети, дурачились.

Потом началась другая песня — тревожная, сильная. Кирилл чуть не расшиб Машу, когда наклонил ее — кабинет явно не предполагал такие па. У девушки перехватило дыхание. Она незаметно отошла к столу, и только стеклянная дверца шкафчика видела ее утомленный взгляд. А Кирилл продолжал танцевать — неистово, увлеченно...

– Ну как, легче? — спросила его полчаса спустя девушка.

– Кажется, да, — последовал ответ. Но лучшим доказательством были не слова, а ровный, искристый (совсем не страшный) блеск в глазах.

Только закрывая кабинет, девушка вспомнила, что на балконе прячется профессор. Она распахнула занавеску и прошла на балкон. Там было пусто.

На следующее утро Маша нашла у себя на столе конверт. Она сначала побоялась его открыть и хотела показать его психологу, но тот находился на лекции. После долгих колебаний Маша все-таки раскрыла конверт. В нем была красная карточка.

«Что ж, я постараюсь сохранить ее как можно дольше», — решила девушка. Красная карточка отправилась в самый дальний угол ящика рабочего стола.

Родные и нелюбимые

На следующий день Мария попыталась выяснить, почему профессор не остался. Но Николай Степанович объяснял все исключительно внезапно возникшими обстоятельствами, связанными со срочным вызовом в университет. Больше ей ничего не удалось добиться.

Время текло незаметно. Маша занималась бумажной работой, печатая на принтере разнообразные акты и отчеты, а психолог либо проводил только ему одному понятные исследования, либо пропадал на лекциях.

— А мне вчера звонила Наташа Наварова, — девушка разглядывала, как солнечный луч запутался в пышной шевелюре Эйнштейна. — Говорит, у мужа странности начались — в наушниках ходит и передвигается по квартире лунной походкой. Пришлось ей объяснить, что это ему просто необходимо и посоветовать составить ему компанию, возможно, записаться с ним вместе на курсы. — Маша выжидательно посмотрела на начальника. Николай Степанович приподнял очки, и по его безмятежному лицу девушка догадалась — все в порядке.

— Тихо-то как! — воскликнула она.

— Это пока наши орлы на выезде, как вернутся, опять беготня начнется. И для тебя найдется «особое» задание, — психолог нарочито шумно перевернул страницу журнала, к которому никого, кроме себя, не подпускал. Маша подняла удивленные глаза, чрезвычайно выразительные, по мнению профессора: даже он не мог смотреть в них продолжительное время.

— А почему вы так уверены? — поинтересовалась Маша.

— Середина мая на носу. В этот период всегда происходит что-нибудь необычное, — отшутился психолог.

— Расскажите же — очень любопытно!

— Ну, если вы так просите! Пожалуйста. В самом ближайшем времени один из наших дражайших подопечных отправится в короткий отпуск.

— Ну и что?

— Есть предположение, что он нарушит в нем режим. Вы же знаете, у нас очень важная игра в следующем туре.

— А вдруг не нарушит?

— Точно знать никто не может.

— А нельзя запретить эту поездку?

— Никак. Она прописана в контракте.

— Я все еще не понимаю: причем здесь мы? — недоумевала девушка.

— Как причем? Мы же с вами — отдел социально-психологической коррекции и диагностики, а также различных «тонкостей». И, в конце концов, вполне возможно, что у человека психологические проблемы, если он уезжает куда-то в одно и то же время, а потом задерживается и пропускает тренировки.

— Скорее у него «психологические» радости! А зачем вообще держать такого игрока? Может, его можно заменить?

— Отвечаю на первый вопрос: он хороший футболист, ответственный, серьезный, такие выходы крайне редки и пока не наносили вреда команде. Да и менять в важнейшем матче основного вратаря на резервного, сами понимаете! Что вы смеетесь?

— Это Беговой-то серьезный? — не сдержала улыбки Маша. — На мой взгляд, он еще тот «шутник»! В принципе, от него можно было такого ожидать, но здесь много странного. Расскажите подробнее.

По словам профессора, Егор с момента перехода в клуб в одно и то же время уезжал на пару дней, по официальной версии, к родным.

«Сомнительно это, можно было съездить на выходных, в отпуск, может, семейное торжество, памятная дата?» — предполагала девушка. И все бы ничего, но в предпоследний раз он простудился, а в последний — задержался и пропустил тренировку, за что был наказан и провел следующий матч в дубле. «По-моему, все вполне обыденно: отпраздновал

– проспал», — подумала Мария, но промолчала.

– Что я должна буду сделать? — на всякий случай уточнила она.

– Привезти его вовремя, а в идеале — прекратить эти поездки вовсе.

– Вы думаете, он попытается от меня сбежать? — в шутку спросила девушка. На его месте она тоже не отказалась бы оставить конвой с носом.

– Я почти в этом уверен.

Маша не стала больше ни о чем расспрашивать, надеясь, что все обойдется и ей не придется изображать полицейского. Слишком уж странно и надуманно выглядела вся эта история.

Несколько дней спустя девушка, практически забывшая об этом разговоре, в коридоре столкнулась с тренером, который только что покинул кабинет психолога. Дубинин был человеком достаточно закрытым, самоуверенным, преданным профессии. Он не очень верил в мощь психологии и ее пользу. Что же он здесь делал?

– Что я вам говорил? Сам тренер просит проконтролировать! Я же вам сообщал о Егоре! — наставлял профессор.

– А, вот вы про что!

– Выезжаете завтра вечером.

– С кем?

– С ним, конечно. Вы что, еще не проснулись?

– Наверно, — «Не пронесло!», — только не могу представить, как это будет выглядеть.

– Не переживайте, Валерий Михайлович все сделает. А пока возьмите лучше папку на Бегового и тщательно изучите его биографию, может пригодиться.

– Нет, — сказал он через пару минут, — я же совсем забыл: сходите сначала в спортзал, там должно все с поездкой уладиться.

Маша без особого желания покинула кабинет и спустилась в спортзал. Первым, кого она увидела, был Кирилл: он поднимал штангу. Девушка с опаской ожидала этой встречи: обычно люди, которые видели нас слабыми, беспомощными, знают наши недостатки, теряют в наших глазах свою привлекательность и являются ходячим напоминанием о неудачах. Но Кирилл повел себя иначе.

– Доброе утро! Рад видеть, — футболист подошел к Маше. — Заехали бы к нам как-нибудь, Наташа бы обрадовалась.

– Приятно слышать, постараюсь. Передавайте привет Мише и Наташе.

– А еще... спасибо, — последовала премилая полуулыбка одними глазами и уголками губ.

– Всегда пожалуйста. И если что... — девушка не успела договорить, но Кирилл и так понял, что она хотела сказать. А помешал ей закончить фразу шум.

– Ну и где мой охранник? — услышала она знакомый голос откуда-то сбоку. — Извините, мой попутчик, — поправился Егор.

– Да вот, — обладатель низкого, немного грубого голоса, оглядевшись, указал на Машу. Девушка подошла и поздоровалась.

– Ну что, не самая плохая у меня компания, хотя могла быть и получше, — резюмировал Егор, когда тренер отправился выполнять свои прямые обязанности.

– Зато я по достоинству оценила свое задание: скоро из психолога переквалифицируюсь в сыщика, — слова подкрепились колючей улыбкой уголками губ. — Только не думайте, что сможете от меня сбежать: у меня просто железная хватка.

– А у меня просто непреодолимое желание сбежать, даже больше, чем в прошлый раз.

«Значит, был прошлый раз! Интересно... Надо разузнать».

– Значит, наша поездка будет веселой. Не могли бы вы уточнить, как далеко мы едем, чтобы я подготовилась?

– Часов шесть на машине. Уезжаем завтра в восемь.

– Отлично, только учтите, что для меня очень важен стиль вождения, и я его обязательно оценю. Заедете за мной ... — девушка назвала адрес.

«И почему профессор считает, что он вздумает скрыться? Может, приедем, поболтаем с родителями и назад», — предположила Маша.

«От нее будет непросто отделаться», — решил Егор.

Вечером Маша сидела на диване, подобрав под себя ноги, и читала досье на вратаря.

– Ну, что нового ты узнала о своем неуловимом мстителе? — осведомился голос, принадлежавший очаровательной черноволосой головке, высунувшейся из кухни. — Покажи-ка мне его! — девушка прищурилась, чтобы лучше разглядеть фото. — О, да он ничего! Высокий, сероглазый, почти блондин!

– Этот «почти блондин» почти женат.

– Да ладно! «Почти» не считается! Не томи, рассказывай! — Поля нещадно разгоняла полотенцем несчастный дым.

– Что я могу сказать, ничего особенного. До двадцати лет в каком-то малоизвестном клубе играл. Потом перебрался в более солидный, но долго там не задержался, потом — еще в один, в нем дела пошли значительно лучше. Потом попал к нам, здесь у него все хорошо складывается. Есть родители и младший брат. Ориентировочно — отправляется к ним. Не понимаю, откуда берутся эти сложности? Я почти так же домой езжу.

– Чего тут непонятного!?! — разъярила Поля. — Просто дома у его родителей гулянка по поводу приезда любимого сына. Вот и все.

– Как у тебя складно все выходит! — девушка улыбнулась. — Скажи же мне, провидец, почему он скрылся от человека, который его сопровождал?

– Мало ли из-за чего? Ты говоришь, он любит пошутить — это раз, ему не понравился попутчик — все-таки не любого человека представишь родителям! — это два, или хотя бы просто дурное настроение. Да и вообще, обидно как-то, когда с тобой, как с преступником, отправляют охранника. Удивляюсь тому, что он вообще на это подписался! — высказывала свои соображения Машина подруга.

– Возможно... Возможно, я тоже предсказываю будущее — мы останемся без ужина! — по комнате разнесся отчетливый запах гари, и Поля вернулась на кухню.

На следующий день в восемь часов вечера Маша сидела в машине Егора. Волосы девушки были собраны в хвост, на ней были легкая курточка, темное платье и туфли на каблуке. «Надеюсь, он не сбежит, испугавшись, что придется представлять меня своим родителям», — оценила свой внешний вид Маша в зеркало заднего вида, вспомнив слова Поли.

– Давай на «ты», — предложил Егор, вставляя ключ в замок зажигания, — здесь же никого нет. Как-то непривычно обращаться к девушке на «вы».

– Даже не думайте. И вообще — сейчас я не девушка, а психолог, — отрезала Маша, припоминая последнее наставление профессора: «Будьте с ним построже и порезче. Иначе на шею сядет».

– Как хотите. Не на северный ли полюс вы собрались с такими запасами? — Егор указал на два пакета, загромоздившие заднее сидение.

– Нет. Просто еду в гости. Не могу же я приехать с пустыми руками?!

А вы, я вижу, налегке? — возникло подозрение у Маши.

– Я не успел...

«Уже оправдывается!» — подумала Маша.

Таким образом, поездка отложилась на час: Егор оказался вынужден сделать покупки.

– Ну вот, вроде и все. Пора ехать. Вы явно хотите показать своим родителям, что я непунктуальна, — последовала привычная улыбка. Машина тронулась.

Первое время ехали молча. Маша придерживалась указания профессора, а также первой заповеди психолога — «меньше говори — больше слушай». Наконец, Егор не выдержал.

– Вам не слишком жарко? — поинтересовался он.

– Вы хотите предложить мне выйти и подышать свежим воздухом?

Нетушки, так просто вы от меня не отделаетесь, — парировала Маша.

– Я вообще-то о кондиционере, — усмехнулся он.

– Как пожелаете, — пожала плечами девушка.

– Вы обещали оценить стиль моего вождения, — напомнил футболист.

– В целом, он неплох, только не тормозите так резко на светофорах

– я надеюсь сегодня хорошо выспаться. И еще, если я засну, даже не думайте выбрасывать меня из машины: я ужасно ориентируюсь на незнакомой местности, — ирония так и сквозила в каждом слове Маши.

«Что-то мне очень хочется его позлить. Наговорю-ка я ему побольше, хоть профессор это и не одобряет. В конце концов, из-за него я в этот чудный вечер еду бог знает куда! Может, что и узнаю».

– А почему вы не взяли с собой свою невесту? Бойтесь, что у нее маникюр сломается по дороге? — «Господи, что я такое несу!»

Но Егор только усмехнулся:

– У нее еще и педикюр, и много всяких других процедур...

– Можно еще вопрос? Как вы в прошлый раз избавились от слезки?

– Вышел из машины и не вернулся.

Маша деловито поправила куртку и предупредила:

– Советую вам этого не делать во второй раз.

– Интересно, почему? — Егор все чаще отвлекался от дороги и смотрел на собеседницу.

– Я тихонько врежусь на вашем прекрасном новеньком

«Фольксвагене» в ближайшее дерево, — «мужчины обычно так носятся со своими машинами...»

Егор удивленно и непонимающе посмотрел на серьезное выражение лица и искривленные глаза.

– А я заберу ключ.

– Тогда я подойду к тому же дереву, найду палку и постучу по вашей машине. Немного ее покалечу, поднимется шум... Полиция меня вскоре отпустит — что взять с несчастной покинутой девушки?

– А если я закрою вас в машине? — продолжал игру Егор.

– Я разобью окно каблуком, выберусь, а потом позвоню в полицию и скажу, что меня удерживали силой.

Егор не мог не оценить фантазии Маши.

– Круто! Долго готовились?

– А как же! Ночей не спала, — снова колючая улыбка. Егор не сдержал смеха. — За дорогой смотрите, я здесь не для того, чтобы вас веселить, а чтобы вы остались живым и здоровым.

Между тем за окном наступила настоящая ночь — темная, прохладная. Девушка видела, как в окне одни ландшафты сменяются другими, как майские жуки и другие насекомые врезаются в стекло.

– Зеленых на вас нет! — отвлечь Егора не удалось: он о чем-то сильно задумался. «Дурной знак».

Егор не мог решить, как избавиться от Маши: из авто она не выходила, а самому уйти — еще, правда, машину испортит...

– Может, вы к девушке едете? Это объясняет многое: отсутствие невесты, желание ехать одному...

Егор молчал: он не знал, что лучше: соврать или сказать правду. Маша продолжала:

– Тогда вы выйдите, а я останусь в машине. Если вы к указанному времени не вернетесь, мне придется реализовать свои первоначальные планы.

Егор сначала хотел воспользоваться ситуацией, чтобы остаться без попечения Маши, но согласиться с ней — значит признать, что встречаешься с девушкой на стороне, когда собираешься жениться на другой. Есть в этом что-то ненормальное. Вот уж и заискрятся глаза у этой Маши! Она так обрадуется!

– Только не выходите из машины, а то смутите мою девушку, — в голосе слышался сарказм.

«Все-таки достала. Теперь мы квиты», — Маша откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Только ее веки сомкнулись — заиграла музыка, причем не что попало, а рок с приличными ударными, при слушании которых спать как раз совсем не прилично. Так Егор мстил на безысходность.

– У вас отличный вкус — обожаю рок! — «вспомни про заповедь психологов: молчи!» — наставляла она себя, но не могла сдержаться.

Понимая, что заснуть не удастся, Маша решила подкрепиться — достала термос и целый пакет с бутербродами.

– Даже не смотрите на них. Они мои! Поездки резко повышают мне аппетит, — ассистентка психолога с усердием принялась за бутерброд с колбасой, сыром, помидором и зеленью, который до поры до времени таился на заднем сидении в пакете. Компанию ему составил чай из термоса.

У Егора резко испортился стиль вождения: по шоссе, как назло, не было ни одного кафе. Отчасти поэтому Маша смиловалась:

– Похоже, второй бутерброд в меня не влезет. Могу поделиться.

Только остановитесь.

Предвосхитив прелесть позднего ужина, Егор ударил по тормозам.

– И как же мне вас представить родителям? Как свою девушку? — наливая чай, осведомился голкипер.

– Мне кажется, на это не купится даже совсем недалекий человек, придумайте что-нибудь другое, — Маша как бы невзначай бросила взгляд на зеркало: да, с Агнией, его рыжеволосой девушкой-красавицей, ее точно не спутаешь. — А чтобы вам лучше думалось, могу предложить салатик с котлеткой. Как насчет умных мыслей?

– Скажу, что хорошая знакомая. Хотя вы бы вполне сошли за мою девушку...

– Зато вы за моего парня вряд ли: слишком... высокий, — добавила она, смерив Егора глазами.

– Мария, вы когда-нибудь бываете серьезной?

– Не чаще, чем вы.

Минуту спустя она добавила:

– Обычно я ужасно серьезная, это вы на меня дурно влияете. Кстати, ваши родные знают, что мы едем? — Егор как-то усиленно заработал челюстями. — Может, у вас в семье не принято говорить о приезде...

Егор впихнул в себя остаток котлеты и немного странно посмотрел на девушку. Маша списала это на волнение: возвращаться домой всегда приятно, а с незнакомым человеком, может быть, не так комфортно?!

– Вы не переживайте. Все будет хорошо. И родители ваши останутся мной довольны, и дома вы меня почти не заметите — будто меня и нет. Так что, вы хорошо отдохнете.

– Алло! Да, мам, это я. Мы едем...

«Теперь точно никуда не денется!» — решила Маша, откинула спинку сидения и вскоре заснула. Впереди виднелась темная даль. Полоса березовых, едва различимых белыми стволами посадок сменялась кленовыми рошицами и осинниками, а на небе за проезжающими гналась полная, налитая, рыжая луна.

Егор, когда приезжал сюда, любил вспоминать, тревожиться, думать и просто гнать как можно быстрее. На него обычно находила грусть, полезная в небольших порциях каждому человеку. Ему нравилось припоминать детство, юность и испытывать трепет и тяжелую легкость одновременно. Но Маша, хоть и незримо, но все-таки мешала ему сосредоточиться на своем. Он изредка поглядывал на нее: безмятежный сон девушки наводил спокойствие, а не тревогу, и приятное гулкое сердцебиение возникло только тогда, когда знакомые места уже нельзя было принимать за чужие. Егор невольно сбавил скорость.

– Мария, вставайте, мы приехали.

Через полчаса Маша сидела на кухне вместе с мамой Егора, Лидией Ивановной — еще не старой мягкой женщиной с крашеными светлыми волосами, и резала зелень, пока Егор с братом таскали сумки из машины.

Встреча с родными, по мнению Маши, прошла слишком сухо: отец только пожал руку и сказал что-то вроде: «Давно не видели», Лидия Ивановна бросилась на шею сына и заплакала, Егор же отвечал вялым объятием и немного сконфуженной улыбкой. Брат же вообще так надвинул капюшон, что глаза не были видны. Он ограничился кивком. «Похоже, кроме матери, ему никто не рад. А я обещала хороший отдых! Хоть вышли

встретить, и то неплохо». Маша рассмотрела дом Егора — основательный, кирпичный, выкрашенный под цвет зелени, с широким крыльцом и милыми палисадниками по бокам. Жить бы в нем да радоваться!

– Значит, вы на работе познакомились? — Маша кивнула.

– И как он? Как живет? — продолжила расспрос Лидия Ивановна.

– Хорошо живет, на работе его очень ценят, есть друзья, любимая девушка, — мать расплылась в такой недвусмысленной улыбке, что девушке пришлось уточнить:

– Его девушку зовут Агния, она начинающая певица. А мы просто друзья.

– Ну а сам Егор, какой он теперь?

Маша удивилась: неужели за несколько месяцев люди могут сильно измениться?

– Веселый, жизнерадостный, уверенный, — и, вспомнив характеристику профессора, добавила, — в работе энергичный, ответственный... Да вы сами лучше знаете! — девушка пересыпала в салатницу нарезанное и принялась крошить яйца.

– Как сказать: я-то сына четыре года не видела! — печально улыбнулась женщина, доставая курицу из духовки.

– Я не знала, — гостью искренне удивило последнее известие. — У него, наверно, работы было много: тренировки, сборы, матчи, комиссии, — выжидательно предположила Маша. Как известно, нет ничего более настраивающего на откровенность, чем вечерний разговор двух женщин на кухне.

– Если бы так! Это все, потому что они тогда с отцом поссорились.

– Расскажите, — попросила Маша, откусив кусочек огурца.

– Не хотел его Петя в большой город отпускать, хотя Егору уже двадцать первый год шел. Говорил, молод еще, поиграй здесь, успеешь в другой клуб пристроиться. А Егор ни в какую: мол, такой шанс может больше не выпасть. Много они тогда друг другу наговорили. С тех пор и не общаются. Егор только мне иногда звонит. С братом они тоже не разговаривают: Костя в то время во все неформальные общества входил, даже не помню всех названий: панки, готы, еще что-то. Так из них и не выходит, хотя на юриста учится, как отец хотел. Раньше они с братом неразлучны были: на рыбалку ходили, мяч гоняли... — вздохнула мать.

– Они обязательно помиряются! — успокаивала ее Маша, взяв за руку.

- Он наверняка вас всех очень любит, только обижен.
- Дай Бог... Начну на стол накрывать.
- Я вам помогу, и не надо меня отговаривать.

Ужин проходил в зале, тоже уютном и милым, с округлой мягкой мебелью, выполненной в шоколадно-кремовой гамме. Но разговор поначалу не клеился: беседовали в основном Маша с Лидией Ивановной. Девушка рассказывала новости, непринужденно смеялась. Теперь она могла разглядеть отца Егора. Это был мужчина средних лет, с большой долей седины в волосах, немного сдвинутыми бровями на лице и почти спортивным телосложением. Он изредка вещал что-нибудь колкое то ей, то своей жене. Девушка не знала, стоит ли ей реагировать на его шутки, особенно, если это действительно шутки.

– Значит, его так любят, что почти силками держат, как бабочку? — осведомлялся он.

– А то! Даже мне, мало смыслящей в футболе, ясно, что голкипер в команде, как минимум, второй по значимости после тренера, — убеждала девушка.

Егор был мрачным, молчаливым, лишь изредка натянуто улыбался, что совсем на него не походило.

– Так вы будущий психолог, — отвлекаясь от еды, интересовался он.

– Всех ли ненормальных извели?

Маша рассмеялась.

– Ненормальных слишком много, а я одна... Да и когда все нормальные, одинаковые — это скучно, — Маша посмотрела на Костю.

Очевидно, девушка застала его в переходной поре от одной крайности к другой где-то посередине. То есть, он выглядел совсем обычно: кофейного цвета глаза, темно-русые волосы, спускающиеся челкой на лоб и окаймляющие полукругом голову, а вот нос и рот — точно как у брата. Ничем не примечательная одежда, разве что брелок на шее. Но разглядывать его в данный момент было неуместно.

Маша рассказала несколько веселых случаев из своей студенческой жизни, Петр Васильевич — из своей. Оказалось, они оба в юности были склонны к трудовым подвигам «во благо Родины». Одним словом, минут через десять гостя и хозяин дома смеялись вместе.

– А что у вас нового? Очень интересно, — Маша держалась просто, но внешняя легкость общения давалась ей нелегко.

– Вот второй этаж отстроили, баню тоже, цветник, — хвалился глава семьи. — Конечно, нелегко было, рабочих рук не хватало.

Девушка сделала вид, что не заметила подколки.

– Обещайте мне все это показать!

Когда чашки опустели, не стало предлога бодрствовать дальше, особенно, если учесть, что шел шестой час утра.

Лишь в доме все утихло, Маша покинула выделенную ей комнату на втором этаже, спустилась на первый, не включая свет, и постучалась туда, где по ее предположению находилась спальня Егора. Девушка одета в ночную рубашку и кофту. Дверь ей открыл Егор. Конечно, он удивился, но пошел за Машей в зал.

– Возьмите, — она передала пакет. — Я собиралась контакт с вашим братом налаживать, но вам это больше пригодится. И еще одно: зовите завтра брата на рыбалку. Как вы его уговорите, мне неважно.

Егор с трудом разлепил слипшиеся от сна глаза.

– А если я не захочу?

– Тогда ваши родные узнают, что я здесь делаю. Но у вас все получится. Спокойной ночи. «Да, здесь двумя днями не обойдешься!» — с этими словами Маша заснула.

На следующее утро (хотя, вернее, день: приближался обед) Маша вышла из дома и нашла его пустым. Девушка вернулась внутрь и решила осмотреться. Разглядывая фотографии в

гостиной, посмеялась над Костей в стиле панк, металл, даже эмо, повосхищалась видом из окна на пестрые клумбы. В комнате, напоминающей библиотеку, она увидела фортепиано и не смогла удержаться, чтобы не сесть за него.

Маша играла самую любимую мелодию, Yiruma, Love Hurts, и забыла на миг про все на свете. Когда она очнулась от мечтаний, то заметила тени позади себя. Там стояли Егор и Костя, в руках последнего виднелось ведро.

– Доброе утро, а точнее — день. Как улов?

– Неплохо. А ты, оказывается, играешь? — улыбнулся Егор, думая:

«Сейчас скажет: «Обращайтесь ко мне на вы!», но девушка промолчала.

– Совсем чуть-чуть. И все песни — грустные. А чей это инструмент?

Кто на нем играет?

Ей ответил Костя. Заметим, это первое его обращение к девушке.

– Сначала Егор, правда, он мало играл и скоро бросил, потом я, но тоже уже давно не играл.

– Может быть, мы с тобой что-нибудь в четыре руки подготовим к вечеру, как думаешь?

– Даже не знаю...

– Соглашайся, она все равно не отстанет! — предупредил Егор, а Маша улыбнулась так, что ей нельзя было отказать.

Тут девушка услышала голос из коридора:

– Почему затих оркестр? Где музыка?

Увидев сыновей, Петр Васильевич умолк и как-то помрачнел.

– Пойду я крыльцо в бане делать...

– Егор вам поможет, ему как раз важно не потерять форму перед ответственным матчем.

Правда, Егор? — многозначительно спросила она.

– Да, пошли, — нехотя согласился голкипер.

– Вы же знаете, что он вас любит? — спросила Маша, когда они остались с Костей одни.

— Просто у него характер сложный или обида очень сильная, — Костя молчал.

– ... Что же мы будем пробовать играть?

По мнению Маши, день прошел просто замечательно: Егор начал разговаривать с отцом, ведь работать, не разговаривая, очень трудно, потом Маша под чутким руководством отца семейства училась жарить рыбу на мангале, вечером же был импровизированный концерт с песнями под живую музыку, пришли соседи...

– Может, не такой ты у меня и оболтус, раз с тобой приехала такая девушка, — бросил, проходя мимо, отец семейства.

А закончился вечер прогулкой и показом окрестностей Маше, сдобренным большой порцией воспоминаний:

– А помнишь, как ты здесь...

– Не надо при Маше! — остановил его Костя, улыбаясь.

– А здесь ты учил меня на лыжах кататься, — младший брат показал на правый склон балки, покрытой сверху редкими деревьями. — А знаешь, как он меня учил? Поставил на лыжи на краю и сказал: «Катись!», — вот и все учение. Мы почти до озера дошли. Пойдем, — хорошо, что Маша сменила туфли на балетки, иначе бы ее ноги не вынесли дороги.

А на улице стоял теплый майский вечер, один из таких, в которые очень хочется жить, любить, быть счастливым. В воздухе сливались ароматы черемухи, тюльпанов, ландышей, безумно розовое небо не давало возможности оторвать от себя глаз, ветер раздувал волосы. Казалось, что стоишь не на конце холма, а на краю утеса, а впереди бесконечное свежезеленое море.

Маша хотела поблагодарить братьев за прогулку, но это было и не нужно: ее лицо было красноречивее всяких слов.

Следующее утро прошло не хуже, чем предшествующий вечер. Только Петр Васильевич нет-нет, да и припомнит, что Егор давно домой не приезжал, и нахмурится.

Маша сидела на новом крыльце в баню рядом с отцом футболиста.

– Вы хороших сыновей вырастили, расскажите секрет.

– Какие тут секреты! А сыновья мои: один ни рыба, ни мясо, другой вообще годами дома не показывается.

– Вы простили Егора?

– За что мне на него обижаться? — потемнел адвокат.

– Значит, было за что. Может это и неважно, но будь я на его месте, поступила бы также: жизнь у нас одна, и хочется чего-то в ней добиться. Нельзя заранее знать, что данный тебе шанс — не последний, — добавила девушка после паузы. — К тому же, много времени прошло. Он наверняка вас простил.

– Почему так долго не приезжал?

– Но все-таки же приехал!

– Возможно, это и так... — мужчина не успел договорить и схватился за сердце.

– Вам плохо? Кто-нибудь, помогите!

На ее крик сбежались все домочадцы. Лидия Ивановна, красная от волнения, принесла таблетки, затем сыновья увели отца в дом.

– Часто с ним такое? — спросила у женщины Маша.

– Да нет, но в последнее время все чаще, — Лидия Ивановна не могла отдышаться.

– А врачи что говорят?

– Не идет он к врачам, никак не идет, сил моих нет!

– Сделаем вот как: я поговорю с Егором, он скажет, когда вам приехать к нему. Вместе по врачам походите.

– Ой, не знаю, согласится ли Егор, мой муж тоже упрямый.

– Егор будет рад помочь, я уверена. А вы не волнуйтесь так, — успокаивала Маша. Разговор продолжился.

Некоторое время спустя Костя показывал Егору созданный им сайт. Футболист похвалил это творение, только сказал, что нужно компьютер обновить — память увеличить, движок усилить.

– Здесь я вряд ли найду что-нибудь подходящее, — сомневался Костя.

– Я тебе привезу.

– Когда? Года через четыре? Боюсь, он устареет!

– А, может быть, раньше?

– Тебе виднее, — отозвался Костя и сосредоточился на экране. Прощаясь, Маша благодарила всех за теплый прием, желала отцу

Егора здоровья, а матери — терпения, брату — найти свое призвание, а также выразила надежду, что они еще встретятся. Лидия Ивановна проронила слезу, даже Петр Васильевич расчувствовался. Мать нежно обнимала Егора, Костя пожал руку, а отец кивнул.

– Удачи тебе, сынок! Мы будем завтра смотреть на тебя и болеть! — сказала на прощание Лидия Ивановна.

– Она точно не его девушка? — поинтересовался Костя, когда машина отъехала.

– К сожалению, да, — вздохнул его отец.

– Как тебе мои родные?

– Не «тебе», а «вам», — поправила Маша. — Теперь я снова не девушка, а психолог.

– Девушкой вы мне нравились больше.

– Спасибо, вы умело унизили мои профессиональные способности. А родные у вас замечательные... Хочу спросить, куда же вы на самом деле направлялись?

– Я вам не скажу, тем более после того шантажа, — усмехнулся голкипер.

– Вы же знаете, он был необходим. А вы могли бы и сами догадаться привезти что-нибудь брату. Ах, я забыла, вы же не собирались заезжать домой!

– Если уж на то пошло, скажите, что вы сделали с Кириллом?

– В смысле? И почему вы решили, что это я?

– Кирилл подошел и извинился, чего с ним давно не бывало.

А профессора я домой подвозил — нам по пути.

– Вот как!

– Вас что-то удивило?

– Все нет. Вы собираетесь навещать родных?

– Даже не знаю, к чему мне это! — хотел пошутить Егор, но девушка не поняла юмора.

– Остановите машину! Срочно!

Егор съехал на обочину и притормозил. Маша открыла дверь и, вспомнив совет профессора, подумала: «Надо прочистить ему мозги!»

Егор и Маша стояли напротив друг друга, начинало смеркаться.

Девушка заговорила первой.

– Я решила провести сеанс психологической «загрузки». Сейчас вы будете разговаривать со своей совестью, — «которой у вас нет».

Вечер выдался холодным, поэтому, несмотря на всю свою боевитость, в своей легкой куртке Маша выглядела совсем не грозно.

– Возьмите мою куртку, а то моя совесть и так... небольшая, а на холоде еще меньше станет, — Егор снял ветровку и одел на плечи Маше.

– Спасибо, а теперь слушайте, что скажет вам ваша совесть.

Простите, но ваша совесть будет разговаривать с вами на «ты».

Ты эгоист! Только о себе и думаешь! Обиды какие-то! Столько лет прошло! Мог бы хоть раз отцу позвонить или брату! Мать столько ночей проплакала, не зная, что с тобой и как. Брат попал в плохую компанию, и неизвестно, что бы с ним стало, если бы отец его оттуда не вырвал! А у папы твоего и вовсе с сердцем нелады, а ты ему даже помощи не предложил! Хорош сын, ничего не скажешь! А отец тобой гордится, днем, увидев твои матчи по телевизору, канал переключает, а ночью в интернете повторы смотрит! И что ты скажешь своей совести в оправдание?

Егор не ожидал такого чистосердечного натиска. Сначала он опешил и растерялся, а потом разозлился до дрожи в руках: почему-то на правду мы обижаемся значительно сильнее, чем на ложь, особенно, когда не хотим признавать эту правду.

– Зачем одна девушка лезет в мою жизнь?! Говорит, что делать?! Что я дурак и негодяй?! Кто она мне? Какое право она имеет мне указывать?! Я об этом не просил! И вот, что моя совесть скажет на это: я их просто НЕ ЛЮБЛЮ! Вот и все. Я только и мечтал, как бы сбежать от них подальше и жить самому! Не люблю, а иногда кажется, что ненавижу! Почему отец не звонил?! Почему брат не поддержал?! Что на это скажет моя совесть? Думаешь, мне просто было? Особенно первый год, когда не выпускали, не было ни друзей, ни денег?! Где они были?! Обязательно, если родные, то любимые, так что ли?! — его глаза сверкали, кулаки сжимались, щеки покраснели и пылали не меньше угасающей зари.

Пришло время опешить Маше. Весь ее боевой настрой пропал, она даже пожалела о своей затее, боялась, что он сделает какую-нибудь глупость и обдумывала план отступления. Но сказала почти спокойно:

– В жизни бывает всякое, я вполне допускаю, что такое возможно, но не в вашем случае. Не с такими родными, как у вас.

– Да что вы понимаете! Только зря время трачу!

Маша не сразу сообразила, что происходит. Егор метеором развернулся, бросился к машине, громко захлопнул за собой дверь, завел мотор и в мгновение ока скрылся за горизонтом.

Прошла минута. «Ничего, он сейчас вернется, все обдумает и вернется! А я сделаю обиженное лицо, пусть прощения просит!»

Прошло пять минут. «А, может, он сказал правду? Может, он их не любит и все зря? Дура! Кто тебя просил вмешиваться!»

Прошло десять минут. «Он не приедет, воспользовался моментом, чтобы удрать туда, куда ехал! Вот и все. А если после этого его выгонят, так ему и надо, даже если меня выгонят вместе с ним!»

Маша сбросила его куртку и пнула ее ногой. Но вскоре поняла, что сделала это напрасно: было слишком холодно. Наконец, она решила, что пора выбираться отсюда. Девушка осмотрелась: сумерки сгустились и сменились звездами, та же пухлая луна, только немного впалая, издевательски подмигивала. Егор, очевидно, сокращая путь, ехал по проселочной дороге. В округе не было ни одного огонька, ни одного двора, лишь клены по обеим сторонам обочины — деспотичные великаны, не желающие помочь.

Маша пошла по дороге, пока та была еще различима; за поворотом слева от нее оказалась речушка с перекинутым через нее мостиком. Девушка решила дойти до моста и посмотреть с него. Аккуратно спускаясь, Маша держалась за ветки, ее каблуки утопали в земле и мешали передвижению. Наконец, она оказалась на мосту, но это не помогло: кругом не было ни души. Девушка корила себя, что не взяла сумку, где был телефон. Кроме того, она не шутила, когда говорила, что плохо ориентируется на местности. Маша присела на доску и опустила голову на колени.

Так она просидела минуты две. Потом встала и начала шарить в карманах куртки Егора. В них были мелкие монеты, платок, ручка (видимо, для автографов), чеки, какие-то леденцы — ничего стоящего. Тогда девушка забралась во внутренний карман и достала из него что-то темное, как оказалось — бумажник. Маша по инерции развернула его и увидела два фото. Повернув к луне первое, она заметила:

– Надо было послать вместо себя его рыжеволосую подружку, пусть бы она просидела одна ночью на холоде бог знает где!

Потом Маша взглянула на второе фото. Вскоре она вернула бумажник на место.

Неожиданно туча закрыла луну, и пошел дождь — крупными ледяными каплями он падал на ее волосы, куртку, одежду. Девушка безуспешно пыталась защититься от него. Благо, дождь кончился так же внезапно, как и начался. Думаю, не стоит упоминать, что чувствовала себя девушка весьма скверно. Она коснулась рукой горячего лба и оперлась на сырые перила.

Вдруг раздался звонок. Маша огляделась и прислушалась. К ее удивлению, звук шел из куртки Егора. Девушка ошупью, практически ничего не видя, нашла в нагрудном кармане, ей не осмотренном, телефон и ответила. Когда она услышала голос, то первым ее побуждением было растоптать мобильник, но девушка сдержалась. Потом ее уголки губ слегка приподнялись.

– Маша, это вы? Вы где, не могу вас найти, стойте, где стоите! Трубку не бросайте, почему не сразу взяли? С вами все в порядке? Как вы меня напугали! Маша, я хотел вам сказать... Ладно, потом! Я к вам приду, знаю, да. Ждите!

Этой ночью (почти утром), Егор, сидя на собственной кровати в своей небедной трехкомнатной квартире, развернул бумажник и взял фотографию. Он внимательно смотрел на нее минут десять. Потом рыжеволосая девушка с неестественно большими губами заинтересовалась, когда они поедут в Париж. Не дождавшись ответа, она вдруг заметила:

– О, а сзади на фотографии что-то написано!

Егор перевернул фото и увидел коряво выведенные слова: «Значит, нелюбимые?»

На фотографии была его семья.

Когда уходят девушки

— Я тебе в который раз повторяю: оставь меня в покое! Как ты не можешь понять: я просто тебя не люблю. Не спорю, может быть так, что ты мне когда-то и нравился, то теперь все прошло. Мне даже смотреть на тебя тошно! — высокомерно сообщила девушка в красном платье.

— А как же все, что между нами было?! Ты же знаешь: я ради тебя что угодно сделаю! Хочешь, на колени встану?! — Павел выполнил сказанное.

— Да встань ты, ты меня вообще, что ли, не слышишь? Мы с тобой разведены! Господи! Мне уже слов не хватает. Даже уйти, как мужчина, не может! Тюфяк, он и в Африке тюфяк! Уйди с глаз моих!

— Значит, ты меня никогда не любила, никогда? — парень схватился за голову и подошел к окну.

— Наконец, дошло! — девушка присела на письменный стол и поправила русые локоны.

— А когда говорила, что я лучше всех на свете, врала, да? — Павел повернулся к девушке.

— Во-первых, это было всего пару раз. Почему сразу врала, просто заблуждалась, — защищалась она.

— Нет, я не верю! Ты шутишь. Ты ведь шутишь? — Павел вплотную подошел к девушке и оперся руками на ее стол.

Та же, в свою очередь, ядовито усмехнулась:

— Знаешь, сейчас мне некогда с тобой разговаривать, меня ждут.

И ждет совсем не такой зануда, как ты!

— Что? Я докажу тебе, что ты ошибаешься! — Паша с силой обнял девушку, которая не могла вырваться, оказавшись между его рук, и хотел поцеловать ее, шепча: «Родная, любимая...»

Девушка сначала растерялась, но потом собралась, высвободила руку и залепила Павлу звонкую, увесистую пощечину, а потом вывернулась, изловчилась и бросилась к окну.

— Ты что, с ума сошел? — вскричала она, бросив молящий взгляд на Эйнштейна.

— Подожди, ты не Лика?

— Посмотрите внимательно на меня, — для убедительности девушка стерла красную помаду и собрала локоны в пучок. — Ну как?

— Вы...

— Маша, — закончила за него девушка, облегченно выдохнув.

— Черт, — Павел сел на диван и, опершись локтями на колени, запустил пальцы в золотистого цвета волосы, — похоже, она меня и правда не любит...

Восемь дней назад

«Вот это матч! Друзья, вы присутствуете при удивительном зрелище! Какой сейв Бегового! Это фантастика! Вытащить такой мяч! Егор проводит один из лучших своих матчей! Какая игра на выходе! Какая реакция! Нет, такой матч просто нельзя пропустить! Но отстоять на ноль мало, нужно еще и забить! Где же атака? Да вот она! Овалов делает диагональную передачу на Жосси, тот в касание на Березина. Дима обыграл одного защитника, другого, вот он обработал мяч и... Го-о-ол!! Да, сегодня его команда просто на высоте! Подождите... Почему Дмитрий на газоне?... Редакторы мне подсказывают, что не успевавший за ним защитник выполнил опасный подкат. На поле появились носилки. Видимо, Дмитрий уже не вернется на поле, конечно, жаль... Эх, какой матч мы с вами смотрим! Такое впечатление, что обе команды решили, что будут бороться не на жизнь, а на смерть!»

Все это могли услышать болельщики, смотрящие прямую трансляцию по телевидению. Маша же с трибуны видела, как хорошо играл Егор, как старались защитники. Видела она и голевую атаку с участием Березина.

— Господи, что это такое? Почему ему только желтую дали? Да ему двух красных мало! — возмущалась Маша.

— Ничего, — успокаивал ее Николай Степанович. — Просто вы еще травм не видели: это наверняка не самая страшная. Кроме того, на Дмитрие все заживает, как на кошке.

Девушка подняла удивленные глаза.

— В смысле, быстро, — пояснил он. — Да и проблем с адаптацией у него не бывает — завышенная самооценка, высокий уровень притязаний. Форварды должны травмироваться — это часть их работы, хоть и не самая приятная. А вы молодец: Егор приехал посвежевшим, отдохнувшим. Как это у вас получилось?

— Следовала вашим советам и своей интуиции. Знаете, вы были правы, — Маша повернулась лицом к профессору.

— Это приятно слышать. Но в чем, если не секрет?

— Я думала, у него просто характер упрямый и совести нет, а оказалось — психологическая травма.

— Правда? Странно, внешне не скажешь, — преувеличенно сильно изумился профессор.

«Знал бы он, чего мне стоила моя ошибка, сколько страха я пережила в ту ночь!» — подумала девушка.

— Не расстраивайтесь, все ошибаются. А наша работа связана с душой. Чужая душа — потемки, сами знаете, поэтому ошибки неизбежны, — философски заметил психолог. — Пойдем, навестим наших победителей, в такие моменты важно быть рядом с командой.

В подтрибунном помещении царил праздничная атмосфера. Все поздравляли друг друга, шутили.

— Как мы их закрыли, Николай Степанович?! — хвалился Светик, центральный защитник.

— Молодцы, что тут еще сказать: смотреть — одно удовольствие! — согласился профессор.

— Вот только Димку жалко, как они его! — напомнил Овалов.

— А где он? — осведомился психолог.

— Говорят, в больнице на обследовании.

— Дмитрию — здоровья, а вас — еще раз с победой! — Николай Степанович отеческим взглядом оценил психологическое состояние игроков (в такие минуты слишком трудно притворяться) и не без радости отметил, что запущенных нет, вот только Паша голову повесил, может, устал?

– Маша, сходите-ка к Егору и спросите, что с Чижовым. Он всегда в курсе новостей, а я пока за Павлом наблюдаю.

– Это обязательно? — Маша не разговаривала с Егором с момента ее «чудесного» спасения.

– Вы имеете что-то против? — насторожился психолог.

– Нет, уже иду.

Глазами девушка нашла Егора, по пути поздравила несколько игроков с победой.

– Здравствуйте.

– Какие люди! И разговаривают со мной? Неужели!

– Приходится по работе, — пожала плечами девушка. — Вами сегодня кто-то может гордиться, — намекнула она.

– И конечно, это не вы. Кстати, копаться в чужом бумажнике неприлично.

– Как и в чужой сумке, — парировала Маша. — Но к делу: вы не знаете, почему Павел такой мрачный?

– По-моему, этого только ленивый не знает: он развелся с женой и ужасно по ней скучает. Жена им вертела, как хотела (не в обиду Паше), а потом к другому ушла.

– Спасибо за информацию, — Маша уже собралась уходить, но потом повернулась. — Вы классно сегодня играли. Только не сочтите это за комплимент — я ничего не смыслю в футболе.

– Мария!

– Да.

– Знаете, я не против повторить сеанс психологической «загрузки», как вы это называете. После него действительно стало легче. И... все, что вы говорили — правда?

– Нетушки, мне хватило и первого раза. Вдруг в этот раз вы надумаете выбросить меня в окно?! А насчет того, правда или нет, сами знаете. Учтите, я ничего не забыла, и буду мстить долго и мучительно. И начну вот с чего: ваши родные ждут звонка, чтобы приехать и обследовать вашего отца. Если вы им сегодня не позвоните, то можете считать, то ваши самые сокровенные мечты об отделении от семьи сбылись! — бросила Маша, покидая помещение.

Семь дней назад

— Что мы имеем? — рассуждал вслух психолог, вымеривая шагами кабинет. Маша занимала свое рабочее место. — Знаете, Паша — находка для психолога, он сам все про себя рассказал в подробностях, ничего не пришлось выуживать.

– И что же он рассказал?

– Что очень любит свою жену и просто жить без нее не может, а она его бросила и нашла себе нового кавалера. Павел места себе не находит, следит за ней, на разговоры вызывает, вернуть хочет. А она — ни в какую. Сказала, что полицию вызовет. Павел же не унимается.

– Понимаю, что мой вопрос довольно глуп, но ответьте: причем здесь мы?

– У Павла налицо зачатки депрессивного состояния, а рано или поздно это обязательно скажется на работе, — пояснил профессор. — Такие сложности лучше устранять на стадии зарождения, а то, чего доброго, и правда в тюрьме окажется.

– Но что можем сделать мы? Вряд ли мы сможем заставить женщину заново влюбиться в ее мужа. Может быть, Паша решит после внушения отказаться от своих попыток? — предполагала девушка.

– Правильно мыслите, но это будет непросто — слишком сильна привязанность, она похожа на манию. Хотя, возможно, получится воссоединить семью. Съездите к его жене, в портфолио есть ее координаты, прикиньте, имеется ли такой шанс. Если нет... У меня родилась одна мысль... Нет, вы еще не готовы — слишком смелый ход. Или?... — профессор совсем забыл, что разговаривает вслух. — Постарайтесь запомнить ее как можно лучше: осанку, жесты, походку, особенности мимики, взгляда. Пока не могу объяснить, зачем это надо — может, и без этого обойдемся. Но на всякий случай подробно расспросите о сцене, приведшей к расставанию, запишите слова, запомните интонации. Но сделайте так, только если решите, что в ближайшее время мы не сможем их помирить. Все ясно?

Маша ответила утвердительно, хотя не могла сообразить, зачем такие тонкости.

Лику помощница психолога встретила около ее собственного салона красоты. Бизнес-леди как раз собиралась сесть в очаровательное красное авто, явно подобранное под цвет сумочки. Лица была поразительно красива, ухожена, держалась прямо, при этом неприступно и свободно одновременно. У нее были пышные, уложенные локонами волосы и оценивающий, уничтожающий все, что ей не придется по душе, взгляд. Уверенные, безапелляционные жесты. Высокомерная, едва заметная улыбка. Правая бровь иногда приподнималась вверх. Тонкий, сладкий аромат духов. Все это Маша отметила для себя, еще не зная, что ей придется стать этой самой Ликой.

– Здравствуйте, — остановила Ликку Маша.

– Здравствуйте, а вы, собственно, кто?

– Я помощница психолога, работаю в клубе вашего бывшего мужа.

– А, вот в чем дело! — ее бровь взлетела вверх. — Это он вас сюда прислал! Тогда передайте ему, что это уже слишком, и я не намерена больше терпеть его приставаний...

– Нет, — остановила ее Маша, — я пришла не от него. Мы хотим помочь Павлу и вам, соответственно.

– Да? Это как же?

– Существует много психологических приемов. Если вы того захотите, он оставит вас в покое. Только для этого нужна ваша помощь.

Лица недоверчиво окинула девушку своим фирменным взглядом и покачала головой.

– Ведь хуже не будет, это точно, — убеждала Маша. — У вас наверняка возник вопрос, зачем нам это надо. Отвечаю: чтобы Павел меньше отвлекался и больше времени уделял работе.

Очевидно, Лика оценила профессиональный подход психологов и, в конце концов, согласилась.

– Что нужно от меня?

– Ответьте, пожалуйста, честно: вы вернетесь к Павлу?

– Я? К этому тюфяку? Никогда! — отрезала бизнес-леди.

– Тогда расскажите мне о ваших отношениях с Павлом, а особенно про ваше расставание.

– Садитесь в машину, — повелительным тоном пригласила Лика. Пока машина медленно (из-за пробок), но верно продвигалась вперед, разговор продолжался.

– Раз вы вышли за него, значит, он вам нравился?

– Ну да. Не буду лукавить: Паша добрый, заботливый, честный. Но мне не это нужно! Мне просто с ним скучно! У меня так много идей, мыслей, планов, интересов. А у него только две страсти — я и футбол. Как я вообще вытерпела эти восемь месяцев! Сплошные подкаты, финты, стеночки... Да мне памятник нужно ставить при жизни! Его даже разозлить практически невозможно! А нам нужны встряски, бури, смерчи. Ну, вы меня, как девушка, понимаете!

Маша не совсем разделяла взгляды Лики, но, как это водится, кивнула. Психологам часто приходится кивать. Значительно чаще, чем обычным людям.

– Сейчас у меня новый бойфренд — сильный, уверенный, а не этот тюфяк! — добавила бывшая жена Павла. — А расстались мы вот как...

* * *

— Значит, так и сказала: никогда к нему не вернусь?

– Да, — подтвердила Маша психологу, позвонив ему вечером.

– А почему вы не пришли и не рассказали сразу?

– Я же вам говорила, что у меня лекции, скоро сессия начинается, — напомнила девушка.

– Точно! — отозвался голос в трубке. — Вы выполнили то, о чем я вас просил?

– Конечно, хотя не понимаю, зачем это нужно.

– Ничего, завтра вы все узнаете, когда приедете после занятий. Чувствует моя психологическая интуиция, что она вернется, если не найдет ничего лучше. Вот только когда: завтра или лет через пять? А мы не можем ждать... До свидания, — опомнился от размышлений профессор.

Маша отложила телефон и задумалась, но вскоре взяла книгу и принялась читать, стараясь отвлечься от ненужных пока мыслей.

– Опять кого-то спасаешь? — поинтересовалась Поля, строча конспекты за компьютерным столом. Получив утвердительный ответ, она продолжила расспросы. — Кто же это?

– Павел Чижов, его жена бросила, он теперь переживает.

– Что же, он так плох, что от него жена сбежала?

– Нет, отнюдь. Просто ей хотелось страсти, драк, бури эмоций. А он, как говорят, добрый и заботливый, спокойный.

– Вот это да! Ты меня обязана с ним познакомить! — воскликнула Поля.

– Он жену бывшую безумно любит и пойдет ради нее на все. Профессор считает, что Павел по первому зову к ней вернется. Думаешь, я желаю своей лучшей подруге такой участи?

– Психологи тоже люди и тоже ошибаются, — возразила Поля, но потом решила сменить тему. — А как моя футболка, все забываю спросить. Она мне так шла! И с личным автографом Березина! Эх, я по ней уже скучаю!

– Надеюсь, она помогла сблизить братьев... — Маша вспомнила, с какой неохотой взял у нее сверток Егор, и их возвращение с рыбалки. — Поедешь завтра со мной к Наташе?

– Почему нет? Ты же знаешь: я всегда за! — нарочито весело прошептала девушка, а сама мыслями была уже далеко.

Шесть дней назад

Маша стояла посреди кабинета, на ней, как на светофоре, сменяя друг друга, пылали то красный, то бледно-желтый, то зеленоватый блики.

– Я правильно поняла: вы хотите, чтобы я изобразила Лику? — определив по лицу ответ, девушка продолжала: — Но мы ни капли не похожи! Она... такая... — покачала головой Маша и пантомимой изобразила то, что не смогла выразить словами.

– Мария, я не могу вас заставить, но если Павел попадет в тюрьму, работы лишусь не только я, — посуровел профессор и добавил более сдержанно: — Здесь главное — нюансы, — теперь профессор и ассистентка поменялись местами: психолог ходил по кабинету, а девушка сидела и следила за ним глазами. — Нужно смотреть как она, дышать как она, улыбаться как она, гневаться как она. Здесь совсем не обязательны такая же фигура, волосы, глаза... Встаньте, я на вас посмотрю. Повернитесь!

Осмотрев Машу, психолог остался доволен.

– Вы справитесь! Только последите за Ликой и постарайтесь поточнее скопировать ее. Нужно продумать все, включая одежду. Какой у нее любимый цвет?

– Думаю, красный, — предположила Маша. — У нее машина красная. Но где мне взять ее платье?

– Вам не нужно ее платье: Павел подсознательно почувствует подмену, платье должно быть другим, это точно. Главное — держаться уверенно, нагло, одним словом, как она. Вы понимаете?

– Кажется, да. Только мне понадобится время...

– Оно у вас будет. Даю вам пять дней.

– Вы уверены, что Павел ничего за этот период не натворит?

– Я сделаю внушение, он продержится, а вы попросите подождать Лику. И еще одно: вы можете пока сюда не приходить, занимайтесь учебой,

– Николай Степанович занял свое место и опустил глаза.

– Спасибо, мне как раз не хватает времени, — обрадовалась Маша.

– Мария, хочу вам поручить еще одно дело: вести Березина. Девушка подняла на психолога вопросительный взгляд.

– Поверьте, это не так сложно: Дмитрий быстро восстанавливается, вам нужно только пару раз навестить его в больнице. Потом он поедет, скорее всего, в Германию, там я по своим каналам стану следить. Когда вернется — понаблюдаете за ним. Повторюсь, здесь не должно быть проблем, — убежденно заключил профессор.

– Сделаем в лучшем виде! — девушка явно была довольна таким исходом разговора. — А мы будем репетировать?

– Возможно, в день сеанса. Готовьтесь, Мария, и помните: ваша задача — чтобы Павел как можно дольше продержался в состоянии, будто разговаривает с женой. Он должен сам осознать, что она его не любит.

Маша поджала губы, словно стараясь сдержать стремившиеся сорваться слова.

– Павел откажется от своей страсти только потому, что какая-то девушка, исполняющая роль ЕГО девушки, скажет ему, что он ей безразличен? — Маша намеренно отвернулась к окну.

– Конечно, нет. Но он задумается, а в лучшем случае — немного охладет. А потом мы предпримем кое-что еще...

Маша решила не уточнять, что именно имеет в виду профессор. Она вернулась к компьютеру и продолжила переводить в цифру базу данных.

За окном чудесный день заставлял чувствовать зависть к людям, не прикованным невидимыми цепями к душным кабинетам. Только покидая базу, Маша смогла подставить лицо лучам солнца, улыбнуться и подумать. Чего она испугалась? Это даже интересно: психодрама, гештальт-терапия... все, как в учебнике! Будь, что будет! А вот Березин... Надо его навестить сегодня.

Маша в легкой кофте, джинсовой юбке и футболке, с собранными в хвостик волосами ничем не отличалась от многих других людей, проходивших мимо нее, проводивших значительную часть жизни в метро, а также в ожидании зеленого сигнала светофора.

Совсем не такого рода люди толпились на подступах (нет, не к штрафной) к палате, в которой лежал Дмитрий. В основном, это были девушки на высоких шпильках с большими бусами и леопардовыми аксессуарами, серые мышки со скромными букетами, мальчишки с пачкой плакатов и даже довольно взрослые мужчины, отключающие звук при просмотре телевизионной трансляции. Как оказалось, они собрались, чтобы поддержать своего кумира.

Маша с трудом пробралась сквозь эту толпу, предъявляя пропуск направо и налево. Наконец, она закрыла дверь в палату с внутренней стороны. Первое, что она увидела — смотрящегося в зеркало Диму, поправляющего ирокез. Он сидел, свесивши ноги с койки. Палата походила убранством на комнату в богатой квартире. Кругом цветы, окно нараспашку, пакеты, фрукты...

Девушка, подумала, что зря пришла: ясно, что Дима в порядке. Но, не подавая вида, она серьезно осведомилась:

– Здравствуйте, как вы?

Дима отвлекся от зеркала и поднял равнодушные глаза на Машу.

– А вы?... — силится припомнить Димка.

– Ассистент вашего психолога, веду вас, — пояснила недоумевающая девушка.

– Как видите, неплохо. Если бы еще не нога, — футболист продемонстрировал свою конечность, — совсем было бы, как на курорте! Зачем вы пришли? — поинтересовался он.

– Осуществлять психологическую поддержку...

– Могли бы сказать, что соскучились.

– Похоже, скучающих и без меня хватает. Но, уверена, ребятам вас не хватает, — Маша все это время стояла.

– Мне пора собираться, — намекнул Дима.

– Я уже ухожу. Только... — остановилась Маша, — если вам хотелось бы что-нибудь сказать, посоветоваться, то я готова вас выслушать,

– девушка сканировала взглядом нападающего.

Дима все также равнодушно ответил:

– Да нет, у меня все отлично. Вы извините, но мне, правда, пора, — Дима явно не нуждался в ее помощи. Что ж, это к лучшему.

– Счастливого пути и быстрого выздоровления!

Вечером того же дня Маша вместе с Полей сидела на кухне у Наташи. Жена футболиста охотно рассказала о своих впечатлениях касательно Лики. Впечатления, впрочем, были довольно однообразные.

– Да с ней вообще разговаривать невозможно! Такое ощущение, что она выше тебя на голову, — подливая кофе, щебетала девушка. — Да и видела ее я лишь несколько раз. Голова, как у цапли, хвост распушит, как павлин, и ходит — смотрите на меня, — последовала остроумная пародия.

– А тебе зачем?

Маша долго ходила вокруг да около, но, как ни старалась, Наташа больше ничего не рассказывала.

– Это конфиденциальная информация. Ты просишь меня нарушить один из основных этических принципов психолога! — протестовала русоволосая девушка.

– Но Поля же знает!

– Я уже пожалела, что Поле рассказала!

– Вот и до меня дошли! — включилась в разговор брюнетка.

– А тебе тогда помогу... — заинтриговала Наташа.

Наконец, Маша сдалась и в общих чертах объяснила, что от нее требуется.

– Да, это будет непросто! — покачала головой блондинка. — Пойдем со мной! — девушка схватила подругу за руку и отвела в спальню, там она раскрыла шкаф, долго копошилась и в итоге извлекла красное оригинальное приталенное платье.

– Я его так и не надела, — пояснила Наташа, любовно оглядывая наряд. — Хотела мужа порадовать, а потом ребенок... Бери, одним словом.

– Что ты, я не могу! — отказывалась Маша.

– Бери, бери, потом вернешь. Переодевайся, туфли найдем и будем репетировать. А я проверю, чтобы похоже было.

Девушки долго суетились, смеялись. Маша ходила взад и вперед на цыпочках, строила надменный взгляд и искусно изгибала бровь, чувствуя себя моментами совершенно не уверенно, и если бы не подруги, она, как минимум, раз пять позвонила бы профессору и отказалась.

Все оставшиеся дни она тихонько наблюдала за Ликой, готовилась к сессии, штудировав конспекты, и не имела ни одной свободной минуты.

За день до

Маша возвращалась с пар, когда позвонил телефон и знакомый голос с незнакомого номера обратился к ней со словами:

– Алло, Маша, это вы? Мне нужна ваша консультация.

– Какие люди! И звонят мне!? К чему бы это?

– Мне правда нужна ваша консультация: вы же, в конце концов, психолог... будущий, — поправился голос. — Когда вы подъедете?

– Нет, сегодня я не приеду: стоит ли подчиненному светиться на работе, если его отпустил сам начальник? Встретимся через полтора часа в парке, если вас это устроит.

– Да, до встречи.

«Что ему понадобилось?» — размышляла девушка. Даже увидев звонившего в лицо, она не могла ответить на этот вопрос.

– Почему вы решили обратиться ко мне? — задала вопрос Маша, когда они заняли одну из редких свободных скамеек.

– Николай Степанович однажды сказал, что психолог — это духовник, врач и друг в одном лице.

– Как же он обосновал эту мудрую мысль?

– Как духовник психолог выслушивает, как друг — советует, как врач

– лечит, только душу.

– И в каком качестве вам понадобилась я?

– В качестве друга.

– Интересно, когда профессор успел вас просветить по этому вопросу?

– Когда мы с ним ехали по тому же маршруту, что и с вами.

– Даже так! — усмехнулась девушка. — Что ж, хоть я на вас все еще обижаюсь, но постараюсь вам помочь. Только учтите, я буду задавать вопросы, а вы уж удосужьтесь давать ответы.

Егор кивнул.

– Что же вы молчите?

– Не знаю, с чего начать.

– Начните с главного, так проще, — предложила Маша.

– Хорошо. Я не знаю, что мне делать со школой.

– Какой еще школой? — Машино лицо выражало полное внимание.

– Детско-юношеской спортивной школой. Именно туда я ехал, когда вы решили составить мне компанию, — серые глаза победно горели.

– Отлично, могли бы сразу рассказать. Мне бы не пришлось знакомиться с вашей родней, — Маша облокотилась на спину скамейки так, чтобы ее лицо оказалось в тени. — А почему вы ездите в одно и то же время?

– Могу, конечно, отшутиться, сказав, что так карта легла. Но все проще: именно в этих числах я уехал из дома. Но в школу я езжу чаще, чем домой.

Маша внимательно слушала.

– Вообще-то это тайна, об этом никто не знает, я помогал школе анонимно, — пояснил Егор. — Вы понимаете, что за всем нужно следить. А теперь я нормально могу съездить только открыто — иначе меня не отпустят, вы же в курсе нашей строгой дисциплины, — футболист улыбнулся и тоже придвинулся лицом к спинке скамейки, чтобы видеть реакцию Маши. Девушка задумалась.

– Скажите прямо, в чем именно вам нужен мой совет. А то у меня складывается мнение, что вы хотите, чтобы я составила вам компанию, — Маша внезапно умолкла, так как поняла, что ее шутка могла попасть прямо в цель.

Молчание длилось несколько томительных секунд. Егор явно намеревался подняться и уйти. «Господи, неужели у него совсем нет друзей, к которым можно обратиться?»

– Постойте, я, кажется, придумала! — глаза Маши были лучшим доказательством того, что не все потеряно. — Почему вы один занимаетесь этим очень важным и полезным вопросом? Я считаю, что нужно подключить всех ребят, руководство клуба, сделать шефство официальным. Так вы добьетесь лучших результатов...

– Кротов не согласится! У него только деньги в голове. Нет, это бесполезно, — сомневался Егор.

– Все нет. Беру этот вопрос на себя. Он согласится, — «конечно, меня он и слушать не станет, а вот Лику...»

– Маша, вы, правда, верите, что это поможет? — Егор заглянул в глаза собеседницы.

Не будем повторять одну из основных заповедей психолога.

– Конечно. Завтра этим же займусь. Назначим в вашем городе человека, юриста, чтобы следил за документацией. Проверенного, — намекнула Маша.

– Отца, что ли?

– У отца и так много дел, в том числе, и со здоровьем. А вот вашему брату лишнее занятие не помешает.

– Нет, это точно не пойдет. Отец Косте совсем не доверяет, говорит, что он совершенно не способен работать, — отпирался Егор.

– При чем здесь ваш отец? Решение примете вы, как инициатор.

Кстати, ваши приехали?

– Да, отец с матерью, Костя сессию сдает пока. К слову, благодаря вам, я уже который день ем домашнюю пищу — котлеты, голубцы. Уже и забыл, какое это чудо! — признался голкипер. — Агния, несомненно, замечательная девушка, только помешенная на диетах. Она сейчас в Париже, — сам не зная почему, добавил Егор.

– Ясно. Надеюсь, я не опозорила честь психолога и дала хороший совет?

– Посмотрим, — ушел от ответа футболист.

– Хотя бы из вежливости сказали: «Спасибо!» — посетовала девушка. — Теперь моя очередь. Буду задавать вопросы. Помните, вы обещали отвечать. Вопросы жутко страшные, других у меня не бывает, — с улыбкой предупредила девушка, но тут же ее лицо приняло

серьезный вид. — Вы сильно переживали ссору с отцом? Как быстро справились? Почему не ездили домой?

Егор приподнялся и сел на край скамейки, оперся руками на разомкнутые колени. Теперь Маша вынуждена изменить позу, чтобы хоть чуть-чуть видеть лицо собеседника.

— Это была не просто ссора. Отец тогда сказал, чтобы я больше к нему на глаза не показывался, что я ему больше не сын. Он меня всегда любил больше, чем брата, я был его надеждой. А тут в один момент — и нет надежды. Такого друг другу наговорили! Я ему тоже что-то грубое сказал: что он мне не нужен, что я бы их век не видел и много прочей ерунды. Дурак был. И наверно хорошо сохранился, — не без самоиронии заключил Егор. — Вы уже знаете, что в моем первом клубе все оказалось не так просто, как я думал: отношение предвзятое — меня явно не ждали и ковровую дорожку не стелили. Перебивался, как мог. Еще хорошо, что меня в аренду отдали. Там ребята проще, помогали, сдружились. Играть в основе стал, заметили...

Домой я не ездил. Сначала была какая-то злость: покажу вам всем, что я был прав! А еще обида... Даже сам понять не могу, почему так откровенно с вами разговариваю. Со мной такое случается редко, — последовала улыбка. — Вероятно, вы очень хорошо слушаете.

Маша ответила на комплемент выражением лица, безмолвно говорящим: «Что есть, то есть!»

— А потом стало неудобно возвращаться без приглашения, даже когда очень скучал, не мог себя заставить. Потом, когда перешел в наш клуб, где у меня тоже все складывалось поначалу не очень гладко, придумал эту фишку со школой. У меня был реальный повод побывать в родных местах, проехать мимо дома... Знаете, если бы не вы, — Егор повернулся лицом к девушке, — я бы не решился приехать домой, — футболист замолчал, провел ладонями по лбу, затем переплел пальцы в волосах.

— Неужели у вас ни разу не возникло желание вернуться, когда вы проезжали рядом с домом?

— Один раз я жутко хотел, но не смог. Был поздний вечер, я возвращался в город, остановился у моста — того самого, на котором были вы, когда я вас нашел...

— Обязательно надо было указать на этот факт? Ладно, продолжайте.

— ... Там было уже темно, я спустился к реке и увидел черный силуэт на горизонте. Человек стоял на мосту и пристально смотрел на воду. В один момент мне показалось, что этот человек хочет прыгнуть с моста...

— Да там же мелко! — не удержалась от ремарки девушка.

— Метра три. При желании можно даже в ванной утонуть! — возразил Егор. — Лица я не видел: капюшон опущен. Но до дрожи... Не знаю почему, так тяжело стало на душе! Я не смог сдержаться и бросился его спасать. Вот только мой подопечный, как увидел меня, так и бросился с моста.

— Сбросился? — испугалась Маша.

— Нет, убежал.

— Слава Богу!

— Тяжелая же у вас работа! — заключил Егор. — Вы бы могли помочь такому человеку? Возможно, его уже и в живых нет: всегда можно найти другой мост, другое время...

— У меня нет такого опыта. И нельзя сказать, что я очень жажду его получить.

Возникла пауза, которую прервал Егор.

— Маша, из вас выйдет хороший психолог. Поговорил с вами, и как будто груз с души свалился...

— Сколько комплиментов за один раз! А хотели меня волкам скормить! Я все помню...

Вечером Поля открыла «Оперу» на компьютере Маши, чтобы поискать разработку внеклассного мероприятия по математике. Она увидела незакрытую вкладку и подумала: «Ну и рефераты им задают! Признаки суицидального поведения! Так точно сумасшедшим станешь».

Сегодня

Маша встала пораньше и отправилась в салон красоты. Этот поход по просьбе профессора был внесен в разряд «непредвиденных трат» и оплачивался клубом, поэтому девушка не считала нужным мелочиться. Макияж, маникюр, педикюр и другие важные процедуры отняли у нее не менее двух часов. Затем Маша вернулась домой, облачилась в одежду и, посмотрев в зеркало, провела кисточкой по губам, окончательно приняв вид той, которую должна изобразить. «Стань ей, ни под каким предлогом не выходи из образа до завершения сеанса!» — звучали в ее голове слова профессора. Маша взяла черный клатч и надела того же цвета туфли на высоком каблуке. При выходе девушка самоуверенно вскинула голову и небрежно захлопнула дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.